

УДК 821.111

Н.А. Хлыбова

Таврический Национальный Университет имени В.И. Вернадского

ул. Ялтинская, 4, г. Симферополь, Украина, 95007

E-mail: rector@ccssu.crimea.ua.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ Ж.ПУЛЕ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ВЗГЛЯДЫ ДЖ. Х. МИЛЛЕРА

Рассматриваются основные положения подходов к рассмотрению произведения литературными критиками феноменологического направления. Анализируется влияние европейского опыта на развитие данного течения в США. Целью данной статьи является определение того влияния, которое оказал крупнейший представитель так называемой «женевской» школы в европейском литературоведении на выдающегося американского литературоведа Дж.Х.Миллера.

О «женевской школе» и о её американском приверженце Дж. Х. Миллере в отечественном литературоведении практически никто не писал. Есть только краткое упоминание о них в книге А.С.Козлова «Литературоведение Англии и США XX века» (1994). В данной статье впервые анализируются литературоведческие взгляды Ж.Пуле и особенности его влияния на своего последователя – Дж. Х. Миллера.

В литературоведении США 60-х - 70-х годов существовало направление, в котором за основу были взяты идеи философов-феноменологов и экзистенциалистов, а также концепция литературоведения, выдвигавшаяся критиками так называемой Женевской школы феноменологической литера-

турной критики. Невозможно описать методологию американского направления данной школы и идеи ее апологета Дж. Х. Миллера без предварительного экскурса в период зарождения Женевской школы. Обратить внимание на данный период необходимо еще и потому, что на раннем этапе литературоведческая деятельность профессора Миллера (1958-1970) подверглась сильнейшему влиянию критиков именно этой школы. В особенности - работы Ж. Пуле, и дружба Миллера с ним трансформировала литературоведческую ориентацию критика.

"Критика сознания" или феноменологическая литературная критика — явление, которое описывается чаще всего в контексте европейского литературоведения. О начале направления "критика сознания" можно говорить, начиная с 1933 года, когда был опубликован труд Марселя Раймона "От Бодлера к сюрреализму". Раймон говорит о возможности замены внешнего суждения о произведении искусства на внутреннее участие в процессе познания произведения, который является чисто субъективным; литературный критик способен завершить произведение, довести его до определенного совершенства. Согласно основным идеям данного направления литературоведения критика должна быть осознанием сознания.

Раймон писал, что критик должен войти в состояние глубокой восприимчивости, в котором его сущность становится крайне чувствительной. Он должен как бы преобразовать состояние бытия, существования, в состояние разума. Основной задачей критики Раймон считает воссоздание произведения искусства внутри себя, но в полном соответствии с самим собой, со своим личным опытом. При помощи акта, определяемого как "творческое участие", произведение должно заново появиться на свет непосредственно в самом сознании критика. Раймон, все же, утверждает, что "невозможно избежать форм", но он пытается продвинуться как можно дальше за их пределы, с тем, чтобы достичь смутного чувства существования, которое находится в самом "центре каждой работы писателя. У Раймона мы находим термин "смутная, иррациональная затемненность" (*nebuleuse opaque, irrationnelle*), — это то, что может сломить сопротивление неких преград, которые рациональное сознание устанавливает между разумом и миром, и дать критику возможность при помощи слов поэта познать Вселенную как общность всех объектов и личностей, совпадающих при ближайшем рассмотрении внутренне.

Последователем и соратником Раймона по Женевской школе литературной критике является Альберт Беген, который подобно Раймону говорит о том, что подлинная литературная критика возможна лишь в том случае, если толкователь сможет поместить себя во внутреннее пространство Вселенной, которая создана автором произведения. Литературный критик должен проделать "духовное путешествие поэта". Беген считал, что по возвращении из такого "ду-

ховного путешествия" человеческому взору "способно предстать мгновение, когда внезапно вещи принимают свою первородную новизну".

Но наиболее интересны в связи с дальнейшим распространением феноменологической критики идеи еще одного из апологетов Женевской школы литературной критики — Ж. Пуле. Он посвятил некоторое количество критических эссе трудам своих сподвижников по литературоведению: Раймону, Бегену, Старобински. (Это является важным свидетельством того, что для женевских критиков литературная критика сама является формой литературы и в свою очередь может быть подвергнута критике. Литературная критика - особая форма задумчивости, своеобразное литературное размышление).

Пуле — первый из Женевских критиков, кто развил предложенную Раймоном и Бегеном концепцию сознания в литературе и сделал ее инструментом анализа, и первый, кто назвал данное направление "критикой сознания"; он же, впоследствии, называл его "генетической критикой" и, позже, "тематической критикой". Но все эти описанные термины связаны между собой общей заинтересованностью в экзистенциализме и феноменологии.

Литература для женевских критиков является особой формой сознания. Если целью литературной критики является достижение совпадения разума критика и разума автора, то природа такого опыта будет, несомненно, определена сущностью самого сознания. Одним из важнейших вопросов, возникающих при ознакомлении с теориями "критиков сознания" является вопрос о том, что находит человек (в данном случае - критик), когда он достигает сознания другого и переживает при помощи имеющегося в наличии текста чувства и мысли автора. У каждого из критиков женевской феноменологической школы имеется своя точка зрения по этому поводу. В работах каждого из них присутствуют свои характерные особенности. Они высказывают предположения различного характера о том, что же такое "сознание". Но литературоведы - феноменологи сходятся во мнении, что литература - форма сознания, и это является ключевой вехой на пути ознакомления с творчеством критиков данного направления.

Ален Тейт, известный литературный критик, писал, что для обеспечения удовольствия от литературы и ее понимания "алчущему новых открытий читателю следует обратиться к самим авторам", вернее сказать, к их впечатлениям и миру, созданному ими, пытаясь при помощи своего собственного опыта определить, по возможности, авторскую идею.

Литература для Пуле - комбинация внешнего и внутреннего миров, сформированная с особой индивидуальностью в каждом тексте. Литературная мысль для него не просто собрание неких мыслей, и не может быть проанализирована извне как "идея автора". Это - мотивирующий импульс, та первоначальная жизнь, которая должна быть возрождена читателем в процессе размышления и воссоздания личного опыта автора. В этом

контексте Пуле и создает свой термин "критика сознания". Он пишет: "Для критика не существует ничего более, кроме сознания, которое уже даже не принадлежит другому, которое одиноко и всеобще. Главной и, возможно, единственной критикой является критика сознания" (предисловие к книге Ришара "Literature et sensation").

Критика, как и литература, развивается, претерпевает изменения и знает периоды как упадка, так и расцвета. У Ж. Пуле в предисловии к книге Жана Ришара "Литература и чувства" мы находим следующую мысль: "Критика не может состязаться с размышлением. Она должна проложить себе путь намного дальше, от образа к образу и далее — к чувствам. Она должна достичь того способа, посредством которого разум объединил себя с объектом для создания в самом себе субъекта" [1].

Феноменологическая критика — это рассмотрение опыта автора, выраженного в тексте, и его активного познания в момент создания произведения. Пуле в предисловии к работе Ж. П. Ришара "Литература и чувства" писал, что "критика сознания" приобретает множество форм в литературе. Это — осознание индивидуальных, субъективных восприятий, или всеобъемлющего общего существования. И оно существует в особой умственной сфере "внутреннего пространства".

В этом внутреннем пространстве автор размышляет о расстоянии между словами и объектами, между человеческой мыслью и ее выражением. Это сознание является чисто человеческим восприятием, и его насыщенность может изменяться от субъекта к субъекту. Существует два пути, по которым идут феноменологические критики при описании литературного сознания:

1. Описать человеческую общность в литературном осознании реальности.

2. Описать полностью изолированное сознание, где разум признает лишь всеобъемлющее, нейтральное и безличное существование.

Пуле, направляя свою критику на это сознание, рассматривает литературу как некий акт и анализирует ее как драму, происходящую в пространстве разума. Для того чтобы проникнуть в этот акт сознания, читатель должен выработать систематизированный подход, при помощи которого он будет пытаться воссоздать жизненный опыт, заключенный в тексте. Он должен подчинить свою собственную индивидуальность субъекта той новой субъективной реальности, которая будет постепенно создана и обнаружена в процессе прочтения книги. Так как у текста было свое собственное происхождение в экзистенциальном пространстве разума, то от читателя ожидается, что он поместит себя в определенные пределы и примет некоторые позиции и отношения к чему-либо, высказанные в книге, за ориентиры.

Ж. Пуле указал на тот факт, что книги выходят из небытия, приобретают свое реальное значение лишь посредством читателя. Хотя они (книги) и

состоят из мыслей другого человека, читатель сам становится субъектом этих мыслей: "Все, о чем я думаю, является частью мира, созданного моим разумом <...> [Но] Когда бы я ни читал, то мысленно произношу "Я", и вот это-то "Я", которое я произношу, не является мной" [2].

Таким образом, доктрина Ж. Пуле утверждает, что автор посредством своих произведений принимает участие в процессе самопознания. Автор раскрывает свое экзистенциальное отношение через слова, которые он выбирает, и через системы литературных образов и событий. Но для Ж. Пуле форма - нечто внешнее, что скрывает сознание, создавшее ее. Для феноменологических критиков, и в том числе для Ж. Пуле, литература предполагает наличие человеческого опыта в словах и не является статичным вербальным шаблоном.

"Автор" - не просто человек, написавший книгу, но подразумеваемо бытие, приобретающее постепенно форму в процессе создания произведения. Текст лишь описывает "автора" так же, как и фотограф запечатлел бы реального автора. Такой автор дает тексту возможность родиться, но только в плане приобретения формы, прилагая к этому все свое умение и профессиональные качества.

Но когда книга написана, она перестает зависеть от писателя. Она становится объектом анализа, но "объектом живым", воплотившим в себе новую жизнь. "Автор" воплощен в книге, Пуле, как уже было сказано выше, считает целью провести ознакомление с этим воплощенным автором. И даже воспроизвести опыт этого автора в себе. Как только "автор" начинает приобретать форму и обрисовывать свое видение действительности, критик начинает пытаться продублировать это пробуждение. Пытается воспринять все формы его опыта, полностью отдаваясь темам и стилистическому размеру произведения. Любое другое прочтение было бы бесполезным с точки зрения феноменологического критика. Пуле особенно против объективного анализа, который парализует животворящий акт создания литературного произведения.

"Критики сознания" считают, что значение текста развивается вдоль временной оси, а со временем и, естественно, с накоплением опыта, взгляды меняются. Каждая новая конкретизация значения, поэтому, является глубоко индивидуальным опытом, примененным к тексту; найденное значение никогда не появляется в первоначальном виде. Вторичное прочтение текста никогда не будет иметь того же эффекта, что первоначальное, по той простой причине, что найденное значение всегда будет оказывать влияние на повторное прочтение. Полностью отрицая формальный, объективный текстуальный анализ, Пуле пристальное внимание уделяет особому прочтению любой литературной работы, включающему в себя полное перенесение опыта читателя на контекст произведения. И даже не прочтению отдельно взятого произведения, а изучению всего объема работ взятого автора, или даже литературной эпохи. Формальные рассматривания здесь пол-

ностью игнорируются; критик ищет человеческие ощущения, составляющие сущность всего. Взаимодействие этих ощущений соотносится со смыслом данного литературного произведения.

Пуле - критик-философ, заинтересованный в открытии новых подходов к литературе и в применении методики экзистенциального анализа. За Ж.Пуле, первым из Женевской школы выразившим полностью экзистенциально-феноменологическую точку зрения на литературный текст, последовали другие критики, хотя и развивавшие свои собственные критические теории.

Столь оригинальное по своим философским взглядам и методологии направление литературоведения не могло остаться незамеченным и не было принятым литературными критиками "Нового Света". Джозеф Хиллис Миллер стал именно тем литературоведом, который, переняв методологию "критиков сознания", познакомил литературоведческие круги США с идеями своих Женевских наставников и предшественников. В серии описательных (и слегка полемичных) эссе, написанных под влиянием Пуле и Женевской школы, Миллер сделал попытку описать методику исследования, необходимую американскому литературоведу, изучающему английскую и американскую литературу. Первой литературоведческой попыткой "критики сознания", написанной американцем, стало произведение "Чарльз Диккенс: мир его романов" (1958). Истоки этого труда - диссертация Миллера о Чарльзе Диккенсе, относившаяся сугубо к направлению "новой критики" по своему масштабу и энергичности, после пяти лет переработки под пристальным наблюдением Пуле.

В письме к своему ученику и коллеге Дж. Х. Миллеру от 25 ноября 1961-го года Пуле писал: "Я готов признать, что наиболее важной формой субъективности является не субъективность разума, ошеломленного, заполненного и, так сказать, напичканного своими объектами, но что существует другая [форма сознания], которая иногда раскрывает себя, будучи защищенной от любого объекта, со стороны субъективности, которая существует в самой себе, обособленно от любой силы, способной быть для нее определяющей извне, и которая определяется лишь непосредственной интуицией... Как видите, в этом я остаюсь верен картезианской традиции". Пуле убежден, что сознание является источником жизни для литературы, что отличает его критику от концепций современных философов и писателей, склонных больше к гуссерлианской трактовке сознания (Мориса Мерло-Понти, Гастона Башляра, Ж.-П. Ришара) — для них это всегда сознание чего-либо. Для Пуле же существует некий акт самосознания, в котором разум познает свои собственные эмоциональные черты. То есть, утверждает приоритет сознания как некоей энергии генезиса в литературе.

Дж. Х. Миллер, проникнувшись идеями, предлагаемыми литературоведами Женевской школы, становится истинным популяризатором этого направления в США, начиная, примерно с 1966-го года. Это год появления

"Метаморфоз круга". Ж.Пуле и многократно переизданного эссе Миллера "Женевская школа". Заключением раннего периода литературоведческой деятельности Миллера явился 1970-й год, отмеченный появлением его работы "Структуралистский спор" и неоднородной, с символическим названием, работы "Женева или Париж: новое исследование Дж. Пуле".

Вслед за популяризаторской деятельностью, Миллер начинает разработку собственных идей, в основу которых были положены мысли Женевских коллег. К фундаментальным методам исследования следует отнести, в первую очередь уже указанную книгу "Чарльз Диккенс: мир его романов" (1958), а также "Исчезновение Бога: пять писателей XIX-го столетия" (1963), "Поэты-реалисты" (1965), "Форма литературных произведений викторианской эпохи" (1968). В них существует такой объект как "сознание" писателя, заключенный в словах его произведения. Этот объект доступен разуму другого человека (читателя) при условии, что будут использоваться определенные методы исследования. Аналитический метод Миллера предполагает, что определенные элементы превалирующе присутствуют в каждой работе автора. Посредством определения подобного повторения критик может отыскать то, что является основным во всем многообразии "родственных" работ. И, таким образом, достичь понимания особого состояния (авторского) воображения. А может быть, даже открыть некую закономерность, достигнув "открытия общности, сокрытой в центре и управляющей всем" [3]. Миллер предлагает, чтобы простой ряд каузальных последовательностей, связывающий сознание автора с его произведениями, был пересмотрен в пользу рассмотрения данных работ в качестве посредника. При помощи такого посредника автор создает свое "Я" и поддерживает его существование.

Таким образом, в процессе цитирования различных пассажей, которые содержат повторяющиеся риторические черты, Миллер не делает ударения на временных или типовых различиях. Вместо этого он создает подражательный коллаж, состоящий из его собственных наблюдений, "смешанных" со словами автора. Например, с помощью цитат из повести, стихотворения, очерка или письма частного характера Миллер выполняет "задачу критика" так, как он ее представляет себе. "Задача критика", как считает он, "сводится к идентификации самого себя с субъективностью, выраженной в словах, переживании жизни автора изнутри и воспроизведении всего этого в своей критике" [4]. "Критики сознания", к которым причисляет себя "ранний" Миллер, утверждают, что литературное произведение нет необходимости рассматривать как "объект дискретной сущности", совершенно нейтральный и открытый к изучению, как и любой другой объект в мире. Произведение рассматривается, не оторвано от осмысления его тем, кто его воспринимает или того, кто его создает. Это - взаимодействие "субъект - объект", которое рассматривается в отношении их друг к другу. Объект как таковой, со всеми его качествами, конечно же, интересует Миллера. Но более всего

он, как "критик сознания", заинтересован в подаче объекта для нашей субъективности. Еще раз напомним, что Миллер придерживается концепции школы "критики сознания", утверждая, что литература является формой сознания. По его утверждению литературное произведение является своего рода "модусом сознания" [5], который явился порождением соединения "мыслей и слов как средства их выражения" [5]. Соответственно, литературная критика - "осознание сознания" творца, создавшего произведение.

Для более тщательного изучения приемов методологии Миллера вполне логичным будет более подробное рассмотрение в дальнейшем основных литературоведческих трудов, относящихся к раннему периоду его критической деятельности.

Влияние Миллера на англо-американскую литературную теорию благодаря широте его взглядов довольно значительно: теоретические положения его трудов распространяются на литературу XIX – XX-го веков. В связи с тем, что Миллер придерживается принципа, что "самым важным в литературной критике является приведение цитат и то, что критик говорит по поводу этих цитат" [6]. Читателям весьма часто нет необходимости быть приверженцами метода литературного анализа Миллера для того, чтобы извлечь пользу из его литературных изысканий. Миллер настойчиво пытается показать, насколько необычны литературные произведения путем утверждения не положений теории, а адекватного раскрытия того, что в действительности содержится в произведении.

В более поздних работах профессор Миллер отходит от сугубо феноменологической трактовки литературных произведений и занимается своего рода объединением (скрещиванием) литературоведческих методологий - феноменологической и текстуально-деконструктивистской, испытав сильнейшее влияние деконструктивистского метода Дерриды. Миллер рассуждает о возможности различных прочтений, его волнует вопрос о том, существует ли этика прочтения.

Миллер говорит о неизбежности "насилия критика над текстом" [7], в то же время пытается обнаружить "истинно верное" прочтение, в чем для истинных приверженцев деконструктивизма нет абсолютно никакой надобности.

Упомянутый период творчества Миллера без сомнения представляет весьма значительный интерес, но именно "ранний" этап литературоведческой карьеры Дж. Х. Миллера дал толчок к активному развитию идей школы феноменологической литературной критики в США и стал новой вехой в антисциентистском направлении 60-х - 70-х годов.

На основе вышесказанного можно сделать такие выводы: Ж. Пуле – один из наиболее продуктивных и влиятельных представителей «женевской» школы «критиков сознания». Особенно сильным было его влияние на одного из крупнейших современных литературоведов США – Дж.Х.

Миллера, крупнейшего популяризатора идей и методологии феноменологической критики в Америке. Дальнейшее исследование его работ представляется перспективным и полезным.

Библиографический список

1. Lawall S. N. Critics of Consciousness: The Existential Structures of Literature / S.N. Lawall. — Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1968. — 281 p.
2. Poulet G. La conscience critique / G. Poulet. — Paris: Libr. Corti, 1971. — 314 p.
3. Miller J. H. Charles Dickens: The World of His Novels / J.H. Miller. — Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1958. — 346 p.
4. Miller J. H. The Disappearance of God: Five Nineteenth-Century Writers / J.H. Miller. — Cambridge(Mass.): Belknap Press of Harvard University Press, 1963. — 367 p.
5. Зарубежное литературоведение 70-х годов. Направления, тенденции, проблемы. — М., 1984. — С. 243 – 285.
6. Miller J. Hillis. Fiction and Repetition: Seven English Novels / J. Hillis. Miller — Cambridge; Mass, 1982. — P. 21.
7. Miller J.H. Thomas Hardy: Distance and Desire / J.H. Miller. – Cambridge, 1970. — P. 48.

Поступила в редакцию 10.06.02 г.